

... and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Оксана Царькова

Вино из призраков

The background is a collage of mathematical content. At the top, there are handwritten notes in Arabic script. Below that, various mathematical expressions are visible, including $y = -3$, $y = 5$, $\cos \pi = -1$, and $\theta \leq \pi$. There are also diagrams, such as a coordinate system with a downward-opening parabola and a circle with a three-pointed star inside. The overall aesthetic is that of a chalkboard or a page of mathematical work.

Оксана Сергеевна Царькова

Вино из призраков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66330886

SelfPub; 2021

Аннотация

"Вино из призраков" в бутылки из чёрного стекла. А что в ней? Тайна. Детектив Пятничкин расследует эту тайну. Или...

Оксана Царькова

Вино из призраков

Петричкин вертел бутылку тёмного стекла так и эдак.

– Пройдоха этот Хвостнев, – гуняво бормотал Петричкин, – соврёт, шельмец, и даже моноклю из глаза не выронит прыщ шкодливый.

В задних комнатах трактира "Плешь и тлень", в коих Петричкин любил сиживать в пятничные вечера, было тихо. Пыльные портьеры глушили смиренный гул общей залы, но не могли скрыть кислятину измятого людскими выхлопами воздуха.

Винные пары просачивались в щелястые двери комнаты, и щекотали чуткий до всего нос Петричкина.

Про нос этот, тут отдельно сказать надо.

Выдающийся у Петричкина нос вырос. Длинный, хрящеватый, кой-где, даже, с неприятными волосатыми бородавками...

А вот ноздри.

Вот, ежели бы, Петричкин не ходил носом вниз, а представлял всем ноздрями этими напоказ...

То чистый аристократ, не иначе, был бы для всех Петричкин. Такие изрезные обводы имели эти ноздри его.

Как тоскливые и неприступные фьорды северных морей. Веяло от этих ноздрей Чайлд Гарольдом.

Ну и нюх у Петричкина был соответствующий. Тонкий нюх у него был. Да нрав толстый.

Через этот нрав препротивнейший, скатился наш Петричкин до захудалого трактира в склизких извилинах Петербургских задворок.

Всё Петричкин обхаивать надо было. От мухи до потолком до Самого.

Был бит он нещадно и урядником, и так, шелупонью разной.

Кумпанию с ним не водил никто. А вот как эксперта по винам привлекали часто. Особенно, любители всяких экзотических напитков.

Таких амброзий, что запакованы в чудные бутылки, и снабжены непонятными нашлёмками с надписями на языках тарбарских.

Вот тут, и звали Петричкина. И он приходил.

Совал свой носище прямо в горлышко бутылки и выдавал свой вердикт. И никогда не ошибался. Такие ингредиенты называл, на вроде чёрного таракана, что в бутылку пролез, да и издох пьяный.

А намедни, поручик Хвостнев, выигравший в карты сию диковинку – "Вино из призраков" у полковника Н*, принёс её на вердикт Петричкину.

– Душа моя, Петрррричкин, – Хвостнев грассировал, да и пьян был изрядно, – экую штуkenцию я тебе принёс. Расскажи мне, возможно ль пить такую то ерунду-с. "Вино из

призраков", кхе, придумают же фантазёрры. Но любопытно-с. Весьма.

Петричкин, и взял на пробу сей бутыль. А что бы и не взять, раз рубликом сулят.

Бутылка была абсолютно чёрного стекла, с белой залепиной гербовой бумаги, с надписью, от руки, но витиевато, с вензельками всяческими: "Вино из призраков". И это всё-с.

Залита чёрной сургучовой пробкой. Весьма обычной. Из дешёвых.

Петричкин привычным движением руки сшиб сургуч с горлышка, достал штопором пробку, и...

Лизонька капор применяла пред зеркалом, когда с мороза в комнаты ввалился "подшофе" Хвостнев. Облапил её всю, сбил капор, засыпал снежной крупкой перелину.

– Душа моя, Лизонька, – дыша недельным перегарищем прогудел поручик Хвостнев, – в дым пррродулся-с, выдай мне на жизнь парочку купюррр.

И плюхнулся на пол, шутиливо простираясь ниц.

Девушка побледнела как смерть. Отчего красный, неестественно пятнистый, румянец её, стал неприятно коричневым.

Шатаясь, Лизонька добрела до комода и вынула из шкапки последние деньги.

Хвостнев, беззаботно цапнул хрусткие банкноты и вывалился в снежные объятия хохочущих женскими голосами сней.

Лиза закашлялась от назойливых струй холодного воздуха. Белый кружевной платочек, прижатый к бледным губам её, привычно окрасился красным.

– Никакого доктора не будет, – прошептала Лизонька, – ничего не будет.

Она вышла во двор. Снег сыпал свои белые хлопья на её неприбранные волосы. И таял на алых, искусанных до крови, чахоточных губах.

Петричкин выбежал из трактира. Он спешил помочь Лизе, спасти от неминуемой гибели.

Белый снег крупинками набился в его крупные слёзы.

На Невском гуляла нарядная публика.

Дамы в капорах, галантные кавалеры. И никто не видел плачущего Петричкина.

Даже снег.

Даже свежий снег, укутавший тротуары, не оставлял на себе его следов. Петричкин всё понял, и поплёлся обратно в своё унылое пристанище.

Бутылка чёрного стекла так и стояла откупоренная на столе. И никого вокруг.

Будто, кто-то настойчивый, подтолкнул его в спину...

И Петричкин заскользил по гладкой изнанке тёмного бутылочного горлышка.

Голоса... он услышал множество голосов. И Лизонька смеялась звоночком...

Хвостнев был зол на себя и на прокурорского следова-

теля Пятничкина. Допросная в "Крестах" была смрадна и по-зимнему холодна, до зубодробительности и желудочных спазмов.

А Пятничкин уже по десятому разу задавал въедливые вопросы Хвостневу про исчезновение Петричкина.

Меж тем, Хвостнева только черепушка трещала от выпитой вчера "беленькой". И более ничего не хотел он.

– Хвостнев, вы третьего дня были замечены у Петричкина, – бубнил следователь, – передали ему бутыль, как вы тут заметили: "на пробу, вдруг, дрянь какая", бутыль эту вы выиграли в карты у полковника Н*. И после этого никто Петричкина не видел. Так?

– Крррохоборры, – поручик грассировал, грозил кулаком в угол, плевался, – денег нет, ставят на кон ддрррянь всякую, а ты за них, будь милостив, следователю ответ держи.

– Но полковник Н* в тот день был в своём полку, что подтвердили его сослуживцы, – следователь, в который раз, терпеливо показывал Хвостневу протоколы опросов, – сам полковник недоумевает, зачем вы его приплетае в эту историю, тем более, с отравлением.

Хвостнев, наконец, расслышал слова Пятничкина про отравление, и сделался нехорошо зелёным.

– А в бутылки, на коей лишь ваши отпечатки, Хвостнев, да ещё присно помянутого Петричкина, – изматывал душу канцеляризмами следователь, – обнаружен цианистый калий, в дозах, что слона убить-с можно. Отравили вы приятеля ва-

шего, да и прикопали тело бездыханное. Или извращенцам каким пристроили. Тех, что до трупов, нынче, стали охочи. Тьфу...

И Пятничкин перекрестился на икону.

– Да я, ддда Бог с вами, да нет же! – Поручик, наконец, осознал свою будущность, и искал, безуспешно, сочувствие в усталых глазах следователя.

– Скоро суд, Хвостнев, за ним последует каторга, а если тело Петричкина найдут, то и дело пересмотру подлежит, а там...

И Пятничкин, зачем-то, выставил перед ополоумевшим Хвостневым ту самую бутыль с этикеткой "Вино из призраков".

Поручик дёрнулся, схватил бутыль, намереваясь...

Разбить, или испить хотел Хвостнев...

Не узнать. Потому как Пятничкин, как кобру, выкинул свою правую кисть, да и ударил поручика пониже правого уха, наискось, по шее.

Комом осел Хвостнев, выпустил бутыль, и она со звоном, выкатилась под ноги следователя.

А затем... началось невероятное.

Не осталось в Пятничкин не сонности, ни канцелярской препротивности. Он живо соскочил со стула, схватил бутыль через белый платок, и сунул в ящичек, а ящичек тот, неприметным щелчком отправил в двойное дно своего саквояжа.

– Сдохнуть хотел, – промычал с полу Хвостнев, – слаа-

абббссс.

И зарыдал, размазывая тюремную грязь по щекам.

Пятничкин звякнул в колокольчик, извещая надсмотрщица, что допрос закончен.

– Бутыль то, не та, – вдруг, трезво и без вывертов, сообщил Хвостнев, – скоро и я к ним, туда... я понял. Хम्म. И Лизонька заждалась, поди-ка. А?!

И поручик подмигнул Пятничкину, да так, что следователь сам скукожился изнутри, до кислой подблёвошной икоты.

Суд над Хвостневым, как и предрекал Пятничкин, был скорым.

Приговор в семь лет каторги за отравительство Петричкина – Хвостнев принимал сидя, ибо, истаявшая до скелета оболочка его была не в силах стоять.

И только из безжизненных провалов глазниц его пялились на всех два полыхающих безумием глаза. Он, то и дело, подмигивал Пятничкину, и мотал башкой в сторону единственного доказательства своей вины – бутылки "Вина из призраков".

Как уныло кладбище зимой.

Вроде, и дорожки почищены, и снег свеж, бел, и совсем не изгажен серой отрыжкой слякотного города.

Даже вездесущий столичный ветер спит, и не задирает подола шинели.

Поворот, поворот. Вот он – искомый квартал "города

мёртвых".

Вдруг, серая мешковина сугроба шевельнулась, вскинулась навстречу, заставив сердце рваться к горлу и заткнуть изнутри крик ужаса.

– Алёша, принёс?!

– Максим Максимович, милейший, – Пятничкин достал платок и утёр пот, заструившийся под фуражкой, – господин полковник, вы напугали меня, до сме... рти...

– Ах, Алёша, – полковник Н* выглядел столь плохо, что думалось о нём как о кладбищенском призраке, сгорбился над маленьким белым обелисочком, – мне сейчас не до церемоний, я далёк я от мирского. Далёк. Вот и не додумалось мне, что испугаю тебя.

Пятничкин прочёл на памятнике надпись "Лизонька, Ангел небесный, прости", и не сдержался – спросил.

– Лизонька вам, Максим Максимович, приходится? Почему вы по ней так печалитесь?

– Ах, Алёша, я ей дважды убийцей довожусь. Душе этой чистой. Настолько чистой, что она в бутылку эту треклятую...

И полковник залился старческими слезами. Теми, что текут из глазниц крупными горошинами и застревают в морщинах.

– Да нет же, Максим Максимыч. Нет! – Всплеснул руками Пятничкин, – Вы ж в то время в Москву отъезжали, когда Лизонька...

– Алёша, – прервал его полковник, – ты сын друга мое-

го единственного, и лишь тебе я доверился, чтобы дело это повернуть, да и открыться могу.

В первый раз я Лизонька убил, когда поселился в квартире в соседнем доме с ней, и не потрудился Хвостнева от своего знакомства отвадить.

А второй раз убил её, когда бутыль эту, по большому пьянству своему – Хвостневу показал.

Не знал я что у него на уме, у Ирода этого.

Он и Лизоньку соблазнил, и деньги все вытянул у неё. И в бутыль он её спровадил...

– А бутыль вы где взяли, Максим Максимыч? – Пятничкин подмёрз изрядно, и был не в себе, если откровенно.

– На Балканах, Алёша. А боле я не скажу тебе ничего. – Полковник насупился. – Бутыль ты подменил, как я просил тебя? Принёс?

– Подменил. Принёс. – Пятничкин вытянул из саквояжа бутылку чёрного стекла с надписью "Вино из призраков". И отдал полковнику Н*.

И, Пятничкин готов был поклясться здоровьем матери, что услышал доносившийся из бутылки смех, звуки рояли, песни...

– Беги, Алёша, беги не оглядывайся, – вскричал полковник, – а я ухожу, и не ищи меня, Богом прошу.

И Пятничкин побежал прочь смешно вскидывая свои колени.

Был момент, когда он подумал, что скользит по изнанке

тёмного стекла к развесёлым голосам.

Но нет...

Он выбежал за кладбищенские ворота, вскочил в сани, с силой стукнул возницу в спину.

– Гони, гони, ирод. Две цены плачу.

И откинувшись на скамью, отчего-то, горько заплакал.